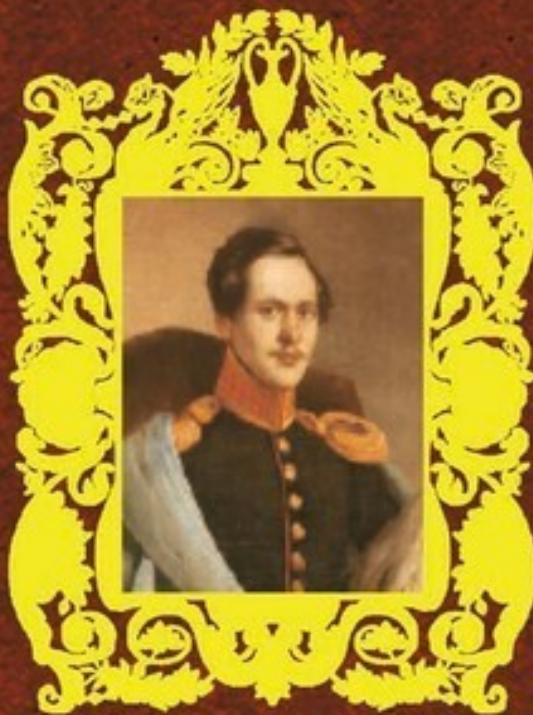

В.А. Злобин

ДУЭЛИ ЛЕРМОНТОВА

Дуэльный кодекс де Шатовильяра

Виктор Злобин

**Дуэли Лермонтова. Дуэльный
кодекс де Шатовильяра**

ТД "Белый город"

2014

УДК 086
ББК 3-86

Злобин В. А.

Дуэли Лермонтова. Дуэльный кодекс де Шатовильяра /
В. А. Злобин — ТД "Белый город", 2014

ISBN 978-5-9067-2631-5

Настоящие материалы подготовлены в связи с 200-летней годовщиной рождения великого русского поэта М. Ю. Лермонтова, которая празднуется в 2014 году. Условно книгу можно разделить на две части: первая часть содержит описание дуэлей Лермонтова, а вторая – краткие пояснения к впервые издаваемому на русском языке Дуэльному кодексу де Шатовильяра.

УДК 086
ББК 3-86

ISBN 978-5-9067-2631-5

© Злобин В. А., 2014
© ТД "Белый город", 2014

Содержание

Предисловие	7
Дуэли Лермонтова	9
Дуэль Лермонтова с де Барантом	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Виктор Злобин

Дуэли Лермонтова. Дуэльный кодекс де Шатовильяра

Современные фотографии предоставлены автором

* * *

Н. Ф. Будкин

Михаил Юрьевич Лермонтов
1834

Портрет Лермонтова, написанный масляными красками, сохранившийся в саратовском имении А. А. Столыпина – Нееловке. Лермонтов изображен в лейб-гусарском вицмундире и накинутой поверх него шинели, с треугольной шляпой в руках.

По мнению современника Лермонтова – М. Н. Лонгинова, это лучший из известных портретов Лермонтова. М. Н. Лонгинов в «Заметках о Лермонтове» пишет: «Хотя он на нем и очень польщен, но ближе всех прочих передает общее выражение его физиономии (в хорошие его минуты), особенно его глаза, взгляд которых имел действительно нечто чарующее, «fascinant», как говорится по-французски, несмотря на то что лицо поэта было очень некрасиво».

Предисловие

Настоящие материалы подготовлены в связи с 200-летней годовщиной рождения великого русского поэта М. Ю. Лермонтова, которая празднуется в 2014 году.

Условно книгу можно разделить на две части: первая часть содержит описание дуэлей Лермонтова, а вторая – краткие пояснения к впервые издаваемому на русском языке Дуэльному кодексу де Шатовильяра.

Всего дуэльных поединков у Лермонтова было два: один в Санкт-Петербурге, а другой, трагически закончившийся, – в Пятигорске.

Если проанализировать эти дуэли, станет очевидным, что они имеют определенные сходства и в значительной степени характеризуют Лермонтова как человека того времени.

В основном в представляемых материалах затрагивается дуэль Лермонтова с Мартыновым, поскольку помимо того, что она повлекла смерть поэта, многие обстоятельства этой дуэли до настоящего времени не выяснены и являются предметом постоянных споров.

В частности, это споры относительно действительного места дуэли Лермонтова с Мартыновым. Большинство исследователей согласилось, что расположение мемориала Лермонтова на «месте дуэли» в Пятигорске у горы Машук не соответствует описаниям, содержащимся в обнаруженных документах.

В связи с этим при подготовке настоящей книги к изданию, исходя из письменных источников, была предпринята попытка установить наиболее вероятное место дуэли. После чего, по просьбе автора, специализированная организация – ОАО «Северо-Кавказское аэрогеодезическое предприятие» – на картографической основе Росреестра изготовило топографическую карту, на которой отображен участок местности – вероятный район действительного места дуэли Лермонтова. Следуя ориентирам, указанным на данной топографической карте, прилагаемой к настоящему изданию, а также учитывая особенности ландшафта, можно с большой долей вероятности определить, где проходила дуэль.

Памятник М. Ю. Лермонтову у подножия горы Машук
фотография 1901 г.

Кроме того, в ходе работы над книгой для разрешения спорных вопросов, связанных с характером и особенностями полученного Лермонтовым смертельного ранения, были привлечены судебно-медицинские эксперты, которые подготовили заключение, содержащее выводы о некоторых спорных вопросах, связанных с судебной медициной и баллистикой.

Вторая часть книги посвящена впервые публикуемому в России Дуэльному кодексу де Шатовильяра, текст которого был переведен с французского на русский язык в ходе подготовки настоящей книги.

На протяжении всей истории существования дуэлей предпринимались попытки упорядочить условия их проведения путем принятия соответствующих дуэльных кодексов. При этом какого-либо единого дуэльного кодекса не существовало.

В разработке представляемого кодекса де Шатовильяра участвовало около ста родовитых французских аристократов. По сути, Дуэльный кодекс де Шатовильяра, изданный в Париже в 1836 году, является фактически первым дуэльным кодексом, приводящим в систему правила дуэли, существовавшие на первую половину XIX века. Для Европы вплоть до последней четверти XIX века он стал общепризнанным. Правила дуэли, содержащиеся в дуэльных кодексах, которые были изданы позднее, в том числе и в самом известном в России Дуэльном кодексе Дурасова, основаны именно на кодексе графа де Шатовильяра.

В России кодекс де Шатовильяра никогда не публиковался, поскольку в XIX веке действовала жесткая цензура, а в последующем его текст был утрачен.

Практически любая книга об истории дуэльных поединков содержит ссылки на Дуэльный кодекс де Шатовильяра, несмотря на то что до настоящего времени он не публиковался и на русский язык не переводился.

Причины того, что в одной книге объединено исследование о дуэлях Лермонтова и Дуэльный кодекс де Шатовильяра, заключаются в следующем. Правила проведения дуэльных поединков, содержащиеся в дуэльных кодексах, в том числе и Дуэльном кодексе де Шатовильяра, не являлись общеобязательными. Вместе с тем их положения формировали принципы и правила проведения дуэльных поединков.

Известно, что после издания Дуэльного кодекса де Шатовильяра в Париже в 1836 году его положения стали широко применяться в России, и на момент дуэлей Лермонтова в 1840 и 1841 годах данный кодекс являлся единственным источником дуэльных правил, изложенных письменно.

До настоящего времени между исследователями существуют споры о том, были ли нарушены дуэльные правила на поединке Лермонтова с Мартыновым.

В связи с этим читателю предлагается с учетом Дуэльного кодекса де Шатовильяра самому оценить правомерность действий участников дуэлей – как самих дуэлянтов (Лермонтова, Мартынова и де Баранта), так и их секундантов, а также сделать выводы о том, были ли ими допущены нарушения дуэльных правил и если они были, то насколько серьезными.

Дуэли Лермонтова

Дуэль Лермонтова с де Барантом

*Оборотясь, без лишних слов
Сказал, что он всегда готов.*

А. С. Пушкин. Евгений Онегин

Эрнест де Барант был сыном барона Амабля Гийома Проспера Брюжьера де Баранта – видного французского историка, публициста, дипломата и политического деятеля, почетного члена Петербургской академии наук.

В 1835–1841 годах он занимал пост посла Франции в Российской империи.

Отец Эрнеста де Баранта, Амабль Гийом Проспер Брюжьер де Барант

Из всех иностранных посланников он имел самые доверительные отношения с императором.

Посол де Барант говорил: «Если б Николай не был государем, а я простым смертным, то я мог бы сказать, что он мой друг. Только благодаря этому я принял пост посланника, так как хотел, чтобы наша личная дружба послужила на пользу моей стране и общему миру»¹.

В 1838 году посол де Барант посетил Одессу, Ялту, Севастополь и Москву, регулярно фиксируя свои наблюдения. Эти путевые записи, а также наблюдения де Баранта о русском

¹ В. Т. Иностранцы в России. Барон де Барант и Николай I. – Исторический вестник. Историко-литературный журнал, 1900, сентябрь. – С. 1014.

народе, его менталитете, обычаях и нравах были опубликованы после его смерти в 1857 году под заголовком «Заметки о России».

Посол был хорошо знаком и неоднократно беседовал с Пушкиным, чей талант он очень высоко ценил. Известно, что он предлагал Пушкину совместно перевести на французский язык повесть «Капитанская дочка».

Де Барант присутствовал при выносе тела покойного поэта и отпевании его в церкви.

В. А. Жуковский в письме к С. Л. Пушкину от 15 февраля 1837 года заметил: «Пушкин по своему гению был собственностью не одной России, но целой Европы; потому-то и посол французский (сам знаменитый писатель) приходил к дверям его с печалью собственной; и о нашем Пушкине пожалел как будто о своем».

Посол де Барант принадлежал также к числу иностранцев, интересовавшихся творчеством Лермонтова. Прочитав стихотворение Лермонтова «Смерть поэта», де Барант понял, что никакого оскорбления для французской нации в нем не содержится, и в январе 1840 года им лично Лермонтов был приглашен на новогодний бал во французское посольство. «Дело вот как было, – напишет об этом А. И. Тургенев. – Барон д'Андре (секретарь посольства Франции), помнится, на вечеринке у Гогенлоэ спрашивает меня, правда ли, что Лермонтов в известной строфе своей бранит французов вообще или только одного убийцу Пушкина, что Барант желал бы знать от меня правду. Я отвечал, что не помню, а справлюсь; на другой же день встретил я Лермонтова и на третий получил от него копию со строфы; через день или два, кажется, на вечеринке или на бале уже самого Баранта я хотел показать эту строфу Андре, но он прежде сам подошел ко мне и сказал, что дело уже сделано, что Барант позвал на бал Лермонтова, убедившись, что он не думал поносить французскую нацию...»

После дуэли сына с Лермонтовым посол де Барант просил главного начальника Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии А. Х. Бенкендорфа о прощении Лермонтова, но его ходатайства удовлетворены не были.

О его сыне – Эрнесте де Баранте (1818–1859) – известно гораздо меньше.

Эрнесту де Баранту на момент дуэли был 21 год. Он окончил высшую школу, носил звание доктора Боннского университета и числился на должности атташе кабинета министра иностранных дел Франции.

В Россию Эрнест де Барант приехал по настоянию отца, в планы которого входило назначить его на должность второго секретаря посольства Франции в России.

По определению В. Г. Белинского, основанному на рассказах Лермонтова, Эрнест де Барант был всего лишь «салонным Хлестаковым».

Одна из наиболее вероятных причин дуэли – явное предпочтение, которое оказывала Лермонтову княгиня Мария Алексеевна Щербатова (в девичестве Штерич). На тот момент ей было 20 лет. Внешне очень привлекательная, обладающая обаянием и тактом, она в 17 лет вышла замуж, однако через год после свадьбы ее муж скончался. Находясь в Петербурге, Лермонтов часто бывал у нее в доме на Фонтанке (в настоящее время дом № 101).

Как писал товарищ Лермонтова А. П. Шан-Гирей, «зимой 1839 года Лермонтов был сильно заинтересован кн. Щербатовой (к ней относится пьеса «На светские цепи»). Мне ни разу не случилось ее видеть, знаю только, что она была молодая вдова, а от него слышал, что такая, что ни в сказке сказать, ни пером написать. То же самое, как видно из последующего, думал про нее и г. де Барант, сын тогдашнего французского посланника в Петербурге. Немножко слишком явное предпочтение, оказанное на бале счастливому сопернику, взорвало Баранта...»².

По свидетельству А. И. Тургенева, Мария Щербатова испытывала к Лермонтову теплые чувства («Сквозь слезы смеется. Любит Лермонтова»). Именно ей он посвятил стихи

² Щеголев П. Е. Книга о Лермонтове. – Прибой, 1929. – Вып. 2. – С. 28.

«Молитва», «В минуту жизни трудную...», «Отчего», а также стихотворение «На светские цепи...» («М. А. Щербатовой»), которое было отдано в печать после смерти Лермонтова самой Марией Щербатовой.

Мария высоко ценила поэзию Лермонтова. После прочтения «Демона» она сказала Лермонтову: «Мне ваш Демон нравится: я бы хотела с ним опуститься на дно морское и полететь за облака».

Барон Корф, товарищ А. С. Пушкина по лицу, так описывает произошедшие события: «На днях здесь был дуэль, довольно примечательный по участникам. Несколько лет тому назад молоденькая и хорошенькая Штеричева, жившая круглою сиротою у своей бабки, вышла замуж за князя Щербатова, но он спустя менее года умер, и молодая вдова осталась одна с сыном, родившимся уже через несколько дней после смерти отца. По прошествии траурного срока она, натурально, стала являться в свете, и столько же натурально пришлились претенденты на ее руку и просто молодые люди, за ней ухаживавшие. В числе первых был гусарский офицер Лермонтов – едва ли не лучший из теперешних наших поэтов; в числе последних – сын французского посла Баранта, недавно сюда приехавший для определения в секретари здешней миссии. Но этот ветреный француз вместе с тем приволакивался за живущей здесь уже более года женою консула в Гамбурге Бахерахт – известною кокеткою и даже, по общим слухам, *femme galante*. В припадке ревности она как-то успела поссорить Баранта с Лермонтовым, и дело кончилось вызовом».

По словам находящегося в карауле офицера Горожанского, однокашника по юнкерской школе, Лермонтов, даже находясь под арестом, самовольно отлучался для встречи с княгиней Щербатовой: «Когда за дуэль с де Барантом Лермонтов сидел на гауптвахте, мне пришлось занимать караул. Лермонтов был тогда влюблен в кн. Щ., из-за которой и дрался. Он предупредил меня, что ему необходимо по поводу этой дуэли иметь объяснение с дамой и для этого удалиться с гауптвахты на полчаса времени. Были приняты необходимые предосторожности. Лермонтов вернулся минута в минуту, и едва успел он раздеться, как на гауптвахту приехало одно из начальствующих лиц справиться, все ли в порядке. Я знал, с кем виделся Лермонтов, и могу поручиться, что благорасположением дамы пользовался не де Барант, а Лермонтов; потому ходивший тогда слух, будто Лермонтов обидел даму четырехстишием, несправедлив»³.

³ Щеголев П. Е. Книга о Лермонтове. – Прибой, 1929. – Вып. 2. –С. 23.

В. Шертль. Мария Алексеевна Щербатова

В последующем Щербатова глубоко переживала о том, что она послужила причиной ссоры между Лермонтовым и де Барантом, и винила в произошедшем только себя.

Отношение Марии Щербатовой к состоявшейся дуэли можно проследить в ее письмах: «Я всегда придерживаюсь моего давнего принципа: женщина, замешанная в самом нелепом, самом неправдоподобном слухе, всегда виновата. Я судила о свете и о мужчинах, как о себе самой. Я полагала, что они руководствуются благими помыслами. И потом, в моем возрасте и с моим характером, я поверила, как верят все сумасшедшие, что дружба между мужчинами и женщинами возможна... Что бесконечно меня огорчает, так это отчаяние М-me Arsenieff (Арсеньева – бабушка Лермонтова. – В. З.), этой превосходной, доброй старухи; она должна меня ненавидеть, никогда меня не видел. Она меня осуждает, я уверена, а если бы она знала, сколь тягостно для меня самой то, о чем мне пришлось услышать».

Катализатором произошедших событий принято считать жену секретаря русского консульства в Гамбурге Терезу фон Бахерахт.

Согласно показаниям Лермонтова, данным им во время следствия по факту дуэли, де Барант обратился к нему на вечере в доме Лавалей: «Правда ли, что в разговоре с известной особой вы говорили на мой счет невыгодные вещи?»

Под «известной особой» подразумевалась 36-летняя красавица Тереза фон Бахерахт.

Советник французского посольства в России д'Андре, который скептически оценивал человеческие качества Лермонтова, склонен был винить в произошедшем именно Терезу фон Бахерахт, не дававшую себе труда задумываться о последствиях собственных поступков. С его слов, он не раз уговаривал Эрнеста де Баранта, чтобы тот не обращал слишком большого внимания на «не совсем приличные кривляния» Лермонтова, признавался в том, что очень не любил Терезу фон Бахерахт, и полагал, что именно она способствовала дуэли.

На этом участие Терезы фон Бахерахт в произошедших событиях не окончилось. Именно из-за ее сплетен, рассказываемых по секрету всем, известие о состоявшейся дуэли дошло до высшего начальства.

Товарищ Лермонтова А. Р. Шан-Гирей напишет: «История эта оставалась довольно долго без последствий, Лермонтов по-прежнему продолжал выезжать в свет и ухаживать за своей княгиней; наконец, одна неосторожная барышня Б..., вероятно, без всякого умысла, придала происшествию достаточную гласность в очень высоком месте...»

В последующем из-за огласки Тереза фон Бахерахт вынуждена была покинуть Россию. В 40-х годах она занялась литературной деятельностью и писала свои произведения на немецком языке под псевдонимом «Therese».

Оценивая поводы для ссоры и причины состоявшейся дуэли, можно с уверенностью предположить, что поединок Лермонтова с де Барантом стал прежде всего следствием лермонтовской щепетильности в вопросах чести и невозможности даже намеком поставить ее под сомнение.

Ссора произошла 16 февраля 1840 года в доме графини Лаваль.

В настоящее время этот дом занимает Конституционный суд Российской Федерации (Санкт-Петербург, Английская набережная, дом 4).

Дом Лавалей принимал балы, на которых бывали и царские особы. Для них хозяева устраивали специальные торжественные праздники. Н. А. Некрасов в поэме «Русские женщины» так описывал дом Лавалей:

Богатство, блеск!
Высокий дом
На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
Перед подъездом львы,
Изящно убран пышный зал,
Огнями весь горит.

Гостями дома Лавалей были И. А. Крылов, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Адам Мицкевич, Н. М. Карамзин, А. С. Грибоедов. С 1817 года здесь бывал и Александр Сергеевич Пушкин. В 1819 году он читал здесь оду «Вольность», а в 1828 году – трагедию «Борис Годунов».

Дом Лавалей в Санкт-Петербурге

Впечатления от балов в доме Лавалей Пушкин выразил при описании бала в романе «Евгений Онегин».

Именно на подобном балу к Лермонтову обратился за разъяснениями Эрнест де Барант. Обстоятельства вызова установлены Военно-судной комиссией:

«Поручик Лермонтов, 16 февраля сего года, приехав с дозволения полкового командира в Санкт-Петербург и бывши того же числа на бале у графини Лаваль, поссорился там с бароном де Барантом. Поводом к неудовольствию между ними было то, как поручик Лермонтов показал, что де Барант, объявив ему на бале, будто он, Лермонтов, говорил об нем какой-то особе, которой, впрочем, не назвал, невыгодно, – требовал от него объяснения; а когда Лермонтов уверял его, что это несправедливо, – Барант, обнаруживая к нему недоверчивость, упрекал его в дурном поступке, называя оный сплетнями. На это Лермонтов отвечал, что выговоров и советов не принимает и находит поведение его, де Баранта, весьма смешным и дерзким. После этого де Барант сказал, что если бы находился в своем отечестве, то знал бы, как кончить это дело; а Лермонтов возразил, что в России следуют правилам чести так же строго, как и везде, и что русские меньше других позволяют оскорблять себя безнаказанно. Затем де Барант вызвал его на дуэль, и они расстались».

На дуэль с де Барантом Лермонтов пригласил в свои секунданты родственника – двоюродного дядю А. А. Столыпина по прозвищу Монго, друга и сослуживца, который был на два года младше поэта.

Когда Столыпин приехал переговорить об условиях дуэли, то де Барант, считавший себя обиженным, объявил ему, что будет драться на шпагах.

Со стороны де Баранта секундантом был француз Рауль д'Англес.

18 февраля 1840 года в 12 часов утра Лермонтов и де Барант вместе с секундантами встретились на Черной речке по Парголольской дороге.

Место было выбрано не случайно. На этом же месте проходила дуэль Пушкина с Дантесом, как и многие другие дуэли.

Сначала дуэль происходила на шпагах, которые привез секундант де Баранта виконт д'Англес.

Едва противники успели начать бой, как конец шпаги Лермонтова переломился и де Барант нанес ему в грудь легкую рану. После этого противники, по сделанному предварительно условию, взяли пистолеты, привезенные А. А. Столыпиным.

Стрелять противники должны были по счету одновременно: по слову раз – приготовиться, два – прицелиться, три – выстрелить. Расстояние между ними составляло 20 шагов.

Де Барант выстрелил и промахнулся. Лермонтов в де Баранта не целился и произвел выстрел в сторону.

На этом дуэль закончилась, де Барант подал Лермонтову руку, и они разъехались.

Существует легенда о том, что пистолеты, которые использовались на дуэли Пушкина и Геккерн-Дантеса, могли быть применены также на дуэли Эрнеста де Баранта и Лермонтова.

Основанием для этого послужили следующие обстоятельства.

Известно, что эти пистолеты принадлежали послу де Баранту.

Его младший сын Эрнест де Барант в 1837 году одолжил пистолеты своему другу – французскому дипломату д'Аршиаку, который являлся секундантом Геккерн-Дантеса.

Как следует из военно-судного дела о дуэли Пушкина и Геккерн-Дантеса, на место поединка секунданты явились со своими дуэльными гарнитурами, каждый из которых состоял из пары пистолетов и принадлежностей к ним: «Пистолеты, из коих я стрелял, – показал на следствии Геккерн-Дантес, – были вручены мне моим секундантом на месте дуэли; Пушкин же имел свои». Таким образом, свой выстрел Геккерн-Дантес произвел в Пушкина из пистолета, входившего в дуэльный гарнитур, который привез д'Аршиак. Дуэльные правила допускали, что каждый из соперников по взаимному согласию мог использовать свои пистолеты, если различие в длине их стволов незначительно, а калибры тождественны.

Здание ордонанс-гауза в Санкт-Петербурге

Использование указанных пистолетов на дуэли Пушкина и Дантеса спорно, однако можно с уверенностью отметить, что на дуэль Лермонтова и де Баранта шпаги к месту дуэли доставил виконт д'Англес, секундант де Баранта, а пистолеты привез Столыпин, секундант

Лермонтова, в связи с чем указанных дуэльных пистолетов на месте дуэли Лермонтова с де Барантом не было, и влияние на исход поединка они иметь не могли.

Арестованного за дуэль Лермонтова поместили в комнате караульного офицера в здании ордонанс-гауза (комендантского управления). В настоящее время в здании ордонанс-гауза, где содержался Лермонтов, располагается Военная комендатура Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, улица Садовая, дом 3).

Секундант де Баранта виконт д'Англес немедленно после дуэли уехал из России.

Ф. Крюгер

Портрет А. Х. Бенкендорфа в мундире лейб-гвардии Жандармейского полуэскадрона
1840

Напротив, А. А. Столыпин, являвшийся секундантом Лермонтова, после безуспешных попыток явиться к высшему начальству с повинной, написал следующее письмо Бенкендорфу:

Милостивый Государь Граф Александр Христофорович.

Несколько времени пред сим, Л. Г. Гусарского полка Поручик Лермантов имел дуэль с сыном французского посланника Барона де-Баранта. К крайнему прискорбию моему, он пригласил меня, как родственника своего, быть при том секундантом. Находя неприличным для чести офицера отказаться, я был в необходимости принять это приглашение. Они дрались, но дуэль кончилась без всяких последствий. Не мне принадлежащую тайну, я по тем же причинам не мог обнаружить пред Правительством. Но несколько дней тому назад, узнав, что Лермантов арестован и предполагая, что он найдет неприличным объявить, были ли при дуэли его секунданты и кто именно, – я долгом почел, в тоже время явиться к Начальнику Штаба вверенного Вашему Сиятельству Корпуса, и донести ему о моем соучастничестве в этом деле. До ныне однако я оставлен без объяснений. – Может быть, Генерал Дубельт не доложил о том Вашему Сиятельству, или, быть может, и вы, Граф, по доброте души своей умалчиваете о моей вине. – Терзаясь за тем мыслию, что Лермантов будет наказан, а я, разделявший его проступок, буду предоставлен угрызениям своей совести, спешу, по долгу русского дворянина, принести Вашему Сиятельству мою повинную. – Участь мою я осмеливаюсь предать Вашему, Граф, великодушию.

С глубочайшим почитанием имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейшим слугою Алексей Столыпин уволенный из Лейб Гвардии Гусарского полка поручик.⁴

12 марта 1840

Спустя три дня после подачи указанного письма А. А. Столыпин был также арестован.

В своих показаниях Военно-судной комиссии он подтвердил, что Лермонтов не целился в противника, то есть не хотел его убить. В связи с этим Лермонтов мог отвечать лишь за принятие вызова, но не за намерение лишить противника жизни.

Порядок содержания под стражей не отличался строгостью. Лермонтов мог встречаться со своими товарищами и имел возможность писать стихи.

Находясь под арестом в ордонанс-гаузе, Лермонтов написал стихотворение «Соседка»:

Не дожидаться мне, видно, свободы!..
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко над землей,
И у двери стоит часовой!

Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой...

По словам товарища и родственника поэта – А. П. Шан-Гирея, который навещал поэта, соседка эта действительно существовала: «Она действительно была интересная соседка, я ее видел в окно, но решеток у окна не было, и она была вовсе не дочь тюремщика, а, вероятно, дочь какого-нибудь чиновника, служащего при ордонанс-гаузе, где и тюремщиков нет, а часовой с ружьем, точно, стоял у двери, я всегда около него ставил свою шпагу». Есть свидетельства о том, что Лермонтов нарисовал и портрет этой девушки, подписав: «La jolie fille d'un sous-officier» [хорошенькая дочь унтер-офицера. – фр.].

⁴ Орфография оригинала документа сохранена.

По причине того, что, как следует из рапорта обер-аудитора Бобылева, в ордонанс-гаузе не было «особых приличных офицерских комнат», 17 марта Лермонтов был переведен на Арсенальную гауптвахту.

Комплекс зданий Арсенальной гауптвахты сохранился; в наше время в нем располагались Военная прокуратура, Патронный завод (Санкт-Петербург, Литейный проспект, дом 3; улица Шпалерная, дом 19; улица Чайковского, дом 14).

Здание Арсенальной гауптвахты в Санкт-Петербурге

Однако события продолжали развиваться. Эрнест де Барант, которому стали известны официальные показания Лермонтова о выстреле в воздух, счел себя оскорбленным, поскольку полагал, что из этих показаний можно сделать вывод о том, что он остался жив благодаря милости его противника.

При этом де Барант даже обещал по выпуске Лермонтова из-под ареста наказать его за это хвастовство.

Товарищ Лермонтова А. П. Шан-Гирей, узнав об этих словах де Баранта, тут же посетил находящегося под арестом Лермонтова.

«Ты сидишь здесь, – сказал он Лермонтову, – взаперти и никого не видишь, а француз вот что про тебя везде трезвонит громче всяких труб».

По просьбе Лермонтова 22 февраля его знакомый, граф Браницкий, организовал приезд де Баранта на Арсенальную гауптвахту, где вечером в 8 часов в коридоре и состоялся их разговор.

Лермонтов высказал де Баранту неудовольствие его словам и предложил, если де Барант чем-то недоволен, новую встречу по окончании своего ареста, то есть фактически новую дуэль.

На это де Барант ответил, что слухи, которые дошли до Лермонтова, являются неверными и что он полностью удовлетворен.

Через два дня Эрнест де Барант уехал из России.

Обстоятельства этого свидания, на котором Лермонтов предложил повторно стреляться, стали известны высшему начальству. Обвинение Лермонтову было дополнено еще одним пунктом.

После свидания с де Барантом его вскоре вернули обратно в ордонанс-гауз, поместив на этот раз в особой комнате для «подсудимых офицеров».

По окончании судебного разбирательства в итоговой резолюции Военно-судной комиссии оказались лестные для Лермонтова строки: там утверждалось, что поручик Лермонтов «вышел на дуэль не по одному личному неудовольствию, но более из желания поддержать честь русского офицера».

Эти слова не могли не повлиять на решение Николая I.

Высочайшая конфирмация царя была такова: «Поручика Лермонтова перевести в Тенгинский пехотный полк тем же чином». Кроме того, рукою императора также была сделана приписка: «Исполнить сего же дня».

Секундант Столыпин и граф Браницкий, который организовал свидание Лермонтова с де Барантом, согласно высочайшей конфирмации императора были освобождены от наказания.

В отношении Столыпина император указал на необходимость «объявить, что в его звании и летах полезно служить, а не быть праздным».

Столыпин совсем недавно вышел в отставку, но, последовав рекомендации Николая, записался в Нижегородский драгунский полк, который дислоцировался на Кавказе.

С отправкой Лермонтова замешкались, поскольку не знали, как правильно исполнить повеление императора «сего же дня».

Дело в том, что начальник штаба гвардейского корпуса генерал-адъютант Веймарн объяснил военному министру Чернышеву, что генерал-аудиториат предполагал выдержать Лермонтова три месяца в крепости и что из высочайшего повеления императора не видно, следует ли это исполнять. В связи с этим военный министр Чернышев был вынужден обратиться за разъяснением к императору, который пояснил, что наказание должно быть ограничено лишь переводом Лермонтова тем же чином в Тенгинский полк.

Однако на этом разбирательство о состоявшейся дуэли не закончилось.

Уже после приговора Бенкендорф в личном разговоре с Лермонтовым потребовал от него извинений перед де Барантом за то, что Лермонтов несправедливо показал на суде, что выстрелил в воздух.

Это требование было обусловлено просьбой родителей Эрнеста де Баранта. При этом одновременно де Баранты пытались смягчить участь Лермонтова, находя приговор (ссылка в действующую армию на Кавказ) излишне суровым.

В связи с этим Лермонтов был вынужден обратиться за защитой к брату Николая I великому князю Михаилу Павловичу и написал ему следующее письмо:

«Ваше Императорское Высочество! Признавая в полной мере вину мою и с благоговением покоряясь наказанию, возложенному на меня Его Императорским Величеством, я был ободрен до сих пор надеждой иметь возможность усердною службой загладить мой проступок, но, получив приказание явиться к господину генерал-адъютанту графу Бенкендорфу, я из слов его сиятельства увидел, что на мне лежит еще обвинение в ложном показании, самое тяжкое, какому может подвергнуться человек, дорожащий своей честью.

Граф Бенкендорф предлагал мне написать письмо к Баранту, в котором бы я просил извиненья в том, что несправедливо показал в суде, что выстрелил в воздух. Я не мог на то согласиться, ибо это было бы против моей совести; но теперь мысль, что Его Императорское Величество и Ваше Императорское Высочество, может быть, разделяете сомнение в истине слов моих, мысль эта столь невыносима, что я решился обратиться к Вашему Императорскому Высочеству, зная великодушие и справедливость Вашу и будучи уже не раз благодетельствован Вами, и просить Вас защитить и оправдать меня во мнении Его Императорского Величества, ибо в противном случае теряю невинно и невозвратно имя благородного человека.

Ваше Императорское Высочество позвольте сказать мне со всею откровенностью: я искренно сожалею, что показание мое оскорбило Баранта; я не предполагал этого, не имел этого намерения, но теперь не могу исправить ошибку посредством лжи, до которой никогда

не унижался. Ибо, сказав, что выстрелил на воздух, я сказал истину, готов подтвердить оную честным словом, и доказательством может служить то, что на месте дуэли, когда мой секундант, отставной поручик Столыпин, подал мне пистолет, я сказал ему именно, что выстрелю на воздух, что и подтвердит он сам.

Чувствуя в полной мере дерзновение мое, я, однако, осмеливаюсь надеяться, что Ваше Императорское Высочество соизволите обратить внимание на горестное мое положение и заступлением Вашим восстановить мое доброе имя во мнении Его Императорского Величества и Вашем.

С благоговейною преданностью имею счастье пребыть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший Михаил Лермонтов, Тенгинского пехотного полка поручик».

Великий князь Михаил Павлович направил данное письмо Николаю I. Император читал письмо Лермонтова, о чем свидетельствует пометка на письме, сделанная начальником штаба Отдельного жандармского корпуса Л. В. Дубельтом: «Государь изволил читать».

Какой-либо резолюции на данное письмо от императора не последовало, в связи с чем Бенкендорф посчитал этот вопрос исчерпанным и больше не предпринимал каких-либо дальнейших попыток склонить Лермонтова к извинениям.

Обращение Лермонтова к Михаилу Павловичу не было случайным. Великий князь лично знал Лермонтова и симпатизировал ему, несмотря на определенное вольное поведение поэта.

Известен случай, когда в сентябре 1838 года Лермонтов явился на парад с очень маленькой саблей. Михаил Павлович оценил юмор Лермонтова, отдал саблю своим детям, а Лермонтова отправил под арест.

Подобные случаи «шалостей» Лермонтова не являлись для великого князя неожиданно: «Упеку же его на гауптвахту, ежели он взводу вздумает в стихах командовать, чего доброго».

Великий князь Михаил Павлович всегда ценил талант Лермонтова. В частности, он так отзывался о Лермонтове: «Этот незрелый поэт принесет в будущем богатые плоды».

Прочитав поэму «Демон», великий князь пошутил: «Был у нас итальянский Вельзевул, английский Люцифер, немецкий Мефистофель, теперь явился русский Демон, значит, нечистой силы прибыло. Я только никак не пойму, кто кого создал: Лермонтов ли – духа зла или же дух зла – Лермонтова?»

Когда в Петербурге появилось стихотворение «Смерть поэта», послужившее в последующем причиной ссылки Лермонтова, великий князь Михаил Павлович при встрече с Бенкендорфом попросил его, чтобы оно желательно не попало к Николаю I и не «обеспокоило внимание государя».

Само же стихотворение он воспринял не более чем с иронией: «Эх, как же он расходился! Кто подумает, что он сам не принадлежит к высшим дворянским родам».

В отношении состоявшейся дуэли Лермонтова и де Баранта великому князю Михаилу Павловичу понравилось, что молодой офицер вступился перед французом за честь русского офицера.

По итогам рассмотрения дела о дуэли он предлагал наказать Лермонтова лишь за нарушение порядка гарнизонной службы, которое выразилось в свидании с де Барантом на гауптвахте.

Это мнение о невиновности Лермонтова в состоявшейся дуэли разделяли практически все.

В целом отношение петербургского общества к состоявшейся дуэли отразил в своих воспоминаниях Модест Корф: «Дантес убил Пушкина, и Барант, вероятно, точно так же убил бы Лермонтова, если бы не поскользнулся, нанося решительный удар, который, таким образом, только оцарапал ему грудь».

Белинский в письме В. П. Боткину 15 марта писал, что, по словам государя, если бы Лермонтов подрался с русским, он знал бы, что с ним делать, но когда это француз, то три четверти вины слагаются.

Тем не менее Лермонтову, согласно решению императора, пришлось покинуть Петербург и вновь направиться в ссылку на Кавказ.

На Кавказе Лермонтову предстояли служба в действующей армии, бои с горцами, поездка со Столыпиным в Пятигорск, встречи со старыми друзьями и дуэль с одним из них – Николаем Соломоновичем Мартыновым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.